

Эльвира Смелик

16+

Подруги
Так не поступают

Эльвира Смелик

Подруги так не поступают

Серия «Взрослые истории», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51761415

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93609-6

Аннотация

Возвращаясь в родной город после долгого отсутствия, Марат и представить не мог, какой сюрприз готовит ему судьба и чем обернутся в конце концов те самые ошибки молодости.

Лера с детства была не по годам ответственной и серьёзной. Так, может, именно поэтому жизнь раз за разом ставит её перед нелёгким выбором: либо собственное счастье, либо счастье дорогих для неё людей.

Женская дружба и настоящий мужчина, нелёгкий выбор и запретное чувство в современной мелодраме "Подруги так не поступают"

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	21
5	26
6	32
7	38
8	43
9	48
10	54
11	60
12	65
13	71
14	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эльвира Смелик

Подруги так не поступают

1

Марат узнал её почти сразу, стоило взгляду случайно зацепиться, и сам удивился. Ну надо же! Помнит, именно её. А ведь далеко не факт, что заметил бы кого-то другого из своих бывших одноклассников. Пусть времени с момента окончания школы прошло не так уж много (лет десять), но зато воспоминания о той поре не из тех, которые хотелось хранить и бесконечно перебирать, воссоздавая образы и называя имена участников.

Он в общем-то и осознать всё до конца не успел до того, как воскликнул, неожиданно для самого себя:

– Галка?!

Услышав своё имя, ещё и не в самой подходящей форме, она застыла, широко распахнула глаза, совершенно по-детски, и посмотрела изумлённо, с недоверием. Даже головой мотнула, будто посчитала увиденное наваждением и подобным образом решила развеять обманную пелену, будто когда-то давно ей сказали, что он умер, она поверила, а тут вдруг...

– Марат? – уточнила осторожно.

– Я так изменился? Или ты меня напрочь забыла?

Галка смутилась, опять чисто по-детски, как случалось раньше.

– Я просто не ожидала, – пояснила растерянно. – Ты же уехал.

– А теперь приехал, – беззаботно откликнулся Марат, произнёс по слогам: – Вер-нул-ся. Я уже почти год здесь.

– Понятно, – кивнула она, и всё, замолчала, а Марат продолжал рассматривать её с интересом.

С самым обычным – они же давно не виделись. Но Галка мало изменилась – и не скажешь, что ей уже под тридцать. Внешне почти всё та же школьница. И такая форма имени ей действительно очень подходит, а тогда подходила ещё больше. Забавная, трогательная птичка – тонкая длинная шея, аккуратный острый носик, волосы тёмные с сероватым отливом.

Нет, совсем не уродина. Даже можно сказать, красивая. Только красота специфичная – изящная, утончённая, хрупкая, чистая. На любителя. Или точнее даже на особого ценителя. А Марату всегда нравились другие девушки: яркие, смелые, компанейские, горячие.

Он не сразу понял, что это выглядит уже немного неестественно: её затянувшееся молчание, его чрезмерное любопытство, их праздное стояние посреди улицы в то время, когда все остальные спешат по своим делам. И разговаривать вроде больше не о чем, если только расспрашивать о тепе-

решней жизни. Но какое ему дело, как поживает сейчас его бывшая одноклассница, с которой почти ничего не связывало?

Вот именно – почти. И возможно, причина того любопытства – возникшее вдруг ниоткуда чувство вины. Не сильное, не гнетущее, так – лёгкая тень. Наверное, оттуда и интерес, какой Галка стала, чем занимается теперь, и что произошло с теми её прежними чувствами. Вряд ли они сохранились до сих пор, но существовали же когда-то. И тогда Марата весьма устраивало, что имелась рядом девчонка, которая готова для него на всё и вполне довольствуется этим, не требуя ничего взамен. А он, если уж быть честным, ею бессовестно пользовался. Но желания заново восстановить прежние отношения не возникало.

Ну и почему он тогда стоит перед Галкой, будто чего-то ждёт? Может, это как встреча с детством, с юностью? Хотя – опять же! – откуда ему взяться, сентиментальному ностальгическому маразму? У него-то! Никогда раньше не страдал. И всё же, опять немного неожиданного для самого себя, Марат предложил:

– Пойдём, что ли, куда, кофе выпьем. За встречу.

На несколько мгновений взгляд Галки стал пристально-напряжённым, цепким, словно она попыталась прочесть мысли. Видимо, тоже хотела понять, что это с ним. Раньше-то происходило как раз наоборот: она постоянно вертелась рядом, таскалась следом, а Марат старался поскорее из-

бавиться от её обременительного присутствия. Если, конечно, ему от неё ничего не было нужно.

Например, написать за него сочинение или реферат, сделать доклад к какому-нибудь уроку, сдуть домашку. Галка не отказывалась и сбегать в столовку, купить ему что-нибудь попить или поесть, или даже в магазин, расположенный в нескольких шагах от школы. Но сейчас она решительно мотнула головой.

– Нет. Извини. Мне домой надо. И желательно побыстрее.

– Так давай подвезу. Если надо побыстрее.

Она откликнулась не сразу, молчала несколько секунд, и не верилось, что так действительно происходит. Галка раздумывает, когда он предлагает ей поехать с ним? Вот уж точно – школа и юность далеко в прошлом. И течение времени явственней всего ощутилось именно сейчас, и самым верным его доказательством оказались не собственные достижения, а то что Галка, та самая влюблённая в Марата по уши примерная отличница Галя Рогозина, решила сказать «нет» в ответ на одно его предложение и, похоже, планировала это сделать ещё и второй раз.

Наверное, именно это его сильнее всего и зацепило. Непривычно, слишком непривычно. И будто бы неправильно.

– Галь, ты на меня обижаешься, что ли? Или в чём дело? У тебя настолько ревнивый муж, что не позволяет тебе находиться в одной машине с посторонними мужчинами?

– Я не замужем, – сообщила Галка безучастно, потом добавила: – Пока ещё.

Значит, собиралась. Но вообще, Марат предполагал, что уж у неё-то непременно давно семья, дети, двое или даже трое. Она же такая, домашняя-домашняя, у неё же в крови о ком-нибудь заботиться. Вот и на него она сейчас посмотрела с сочувствием и ласковым беспокойством, совсем как на капризничающего ребёнка, и кивнула согласно, лишь бы успокоился и не заплакал (и это тоже было непривычно и странно):

– Хорошо. Подвези.

Уже в машине, когда отъезжали от края тротуара, вливаясь в ровный поток транспорта, Марат уточнил:

– Всё там же живёшь? Или куда переехала?

– Там же, – подтвердила Галка.

Он хорошо помнил, где. Во-первых, окрестности школы были с раннего детства хорошо изучены и не забылись. Он ведь тоже там жил, когда-то давно и ещё пару месяцев назад. Во-вторых...

Ладно. Об этом упоминать уже не обязательно. Десять лет же прошло, и – он убедился – всё безвозвратно изменилось.

– А я вот решил перебраться. – Не то, чтобы у Марата возникло вдруг желание похвастаться или презентовать себя по полной, просто молчать он не любил. Слова и темы для болтовни всегда находились сами. Ведь недаром партнёры по бизнесу на деловые переговоры (и не только деловые) отправляли именно его. В обаянии, коммуникабельности и – чего уж там! – почти непробиваемой самонадеянности ему не откажешь. – Дом строю. Наверное, помнишь, тут не слишком далеко, за конечной у автобусов и трамваев, деревенька была. Точнее, её остатки. А теперь там уже дома посolidней. – Он мельком глянул на Галку, но не заметил на её лице никаких особых чувств, кроме уверенного спокойствия и сосредоточенности, похоже, на каких-то собственных мыс-

лях. – А родители вообще за город перебрались. Решили на старости лет – поближе к природе. – Марат снисходительно хмыкнул и тут же вспомнил. – У вас же тоже дача была. Может, и твои перебрались на неё? Насовсем.

– Не перебрались, – тихонько возразила Галка.

– Так все вместе и живёте?

Она отчего-то замялась. Наверное, смутилась, что до сих пор обитает под крылышком у папы с мамой. Но не у всех же есть возможность приобрести, или хотя бы снимать, собственное жильё. А уж Галке и подавно простительно. Сложно ей было бы одной. И Марат не стал дожидаться ответа, тем более с языка сам сорвался новый вопрос:

– А номер телефона скажешь?

– Мой? – растерянно уточнила Галка, посмотрела, опять почему-то настороженно. – Зачем?

Теперь Марат растерялся, реально растерялся, потому что и себе не смог бы точно объяснить.

Но вроде ж логично, узнать номер телефона при встрече. Не у абсолютно же чужого человека.

– Ну, на всякий случай, – он недоумённо дёрнул плечами. – Мало ли. Например, вдруг захочется собраться. Согласно традициям, встреча одноклассников. Вот ты видишь-ся хоть с кем-нибудь?

– Редко, – честно призналась Галка. – И если только случайно.

– Ну! – многозначительно выдал Марат. – Неужели не хо-

чется встретиться и посмотреть?

Галка задумчиво приподняла брови, совершенно по-птичьи наклонила голову к плечу, согласилась:

– Можно, конечно.

Машина свернула в просвет между домами.

– Я ведь здесь проеду? – поинтересовался Марат, и Галка старательно огляделась по сторонам:

– Да, конечно. – Указала на раздваивающуюся дорожку. – Тут лучше направо. – А потом открыла кармашек на сумке, пошарила внутри, вытащила блокнотик и ручку.

Надо же! А тут всё осталось по-прежнему. У кого-кого, а у Галки Рогозиной с вероятностью в девяносто девять и девять десятых процента имелась в наличии любая необходимая мелочь: носовой платок, булавка, запасной карандаш или тетрадка, леденцовая конфета. Да всё, что только могло понадобиться.

Она торопливо записала цепочку цифр, аккуратно вырвала листок, протянула Марату.

– Вот. Домашний.

– А почему не мобильный? – удивился тот.

– Так удобней, – она старалась, чтобы прозвучало невозмутимо и просто, но всё равно возникло впечатление, ну... будто она дала ему этот номер только исключительно для того, чтобы отделаться, и он вполне мог быть даже не работающим: линия есть, аппарата нет.

Но вряд ли Галка так бы с ним поступила. Хотя это та,

прежняя Галка, а теперешняя была по большей части другой, и подобное обстоятельство, нет, не бесило, не раздражало, а скорее – возмущало, задевая самолюбие, сбивая с толку.

Чёрт-те что! Он навязывается, она пытается отгородиться от его внимания, только тактично и вежливо в отличие от него тогдашнего. Мир перевернулся с ног на голову.

– Ты-ы, – поспешно протянул Марат, заметив, что Галка закрывает блокнотик. – Ты подожди, не убирай. Ещё мой запиши.

На этот раз она не спросила, зачем, и не возразила, послушно открыла чистую страничку, аккуратно записала продиктованным им цифры и, возможно только потому что он внимательно наблюдал за ней, а не за дорогой, добавила пояснение красиво выверенными печатными буквами «Марат». А он засмотрелся на то, как Галка это делает, и едва не зацепил неожиданно выскочившего не пойми откуда прикурка на велосипеде.

Галка испуганной охнула, а Марат выругался беззвучно, потом завернула за угол очередного дома, стандартной панельной пятиэтажки, наверняка одной из первых, когда-то построенных в этом районе, въехал во двор.

– Сюда? Я правильно помню?

– Правильно, – кивнула Галка.

– А подъезд?

– С этого конца третий, – доложила она. – Но можешь пря-

мо здесь остановиться, – махнула в сторону небольшого асфальтового пятка, на котором уже разместились парочка машин. – Удобней разворачиваться.

– А если прямо, я что, дальше не выеду? – поинтересовался Марат озадаченно.

– Выедешь, – возразила Галка. – Но придётся же кругом объезжать.

Он взглянул на неё с лёгким упрёком.

– Галь. Ну разве это проблема?

– Я не знаю, – откликнулась она, и кто её разберёт, что имела в виду, отстегнула ремень, ухватила за рычажок на двери. – Спасибо, что подвёз. До свидания.

– Пока, – произнёс Марат, наблюдая, как она выбирается из машины, напомнил вдогонку: – Если что, звони.

– Конечно, – торопливо заверила Галка, захлопнула дверь. Но понятно же, не позвонит.

Она проводила машину взглядом. Солидная иссиня-чёрная, блестяще-чистая, будто только что из магазина или автомойки. Марату всегда нравилось сиять, привлекать внимание. Чьё угодно, но обычно не её. Она и так каждый удобный момент старалась оказаться рядом.

Сейчас-то она понимала, насколько это выглядело ненормально, глупо и, пожалуй, даже унижительно, и стыд накатывал за ту себя, прежнюю. Но тогда она не ощущала ничего подобного, наоборот, была счастлива – тем, что может находиться поблизости, тем, что может помочь, если понадобится, рассматривая его лицо, ловя его взгляд, слыша его голос, особенно когда Марат обращался лично к ней. И пусть это была очередная мелкая просьба, типа: «Домашку по алгебре сделала? Дашь списать?» или «Галк, ты куда сейчас? В столовку? купишь и мне чего-нибудь? Булочку или пирожок. И Виталику возьми. Хорошо? И Сане», она всё равно была счастлива. Тем, что нужна ему. Даже если так.

– Галк, слушай. Тут такое дело. Ты вечером в шесть свободна?

Если честно, у неё от этих слов сердце замерло, но она ментально одёрнула себя. Ведь то, о чём она подумала, было абсолютно невообразимым. Не-сбы-точ-ным. А сердце снова забилося, торопливо и неровно, будто спрашивая, будто

предполагая: «А вдруг? Вдруг! Вдруг!» И снова замерло и, кажется, уже насовсем исчезло, когда Марат, чуть сдвинув брови и глядя на неё с ожиданием, доверительно поинтересовался:

– Можешь за Шабуниной домой зайти? Ну типа вы подружки и идёте вместе. Чтобы её мамаша убедилась, что Светка не со мной. Ты выглядишь, – Марат замялся, подбирая нужное слово, но лучше или по крайней мере безобидней не нашёл, чем: – подходяще. Она тебе поверит. Ну и наверняка она в курсе, то ты отличница и всё такое. Тебя ведь вечно на собраниях хвалят. Родители такое любят.

И опять он замялся, не зная, какие ещё придумать компоненты, на которые, по его мнению, Галя должна купиться, но она не стала дожидаться.

– Ладно, – кивнула согласно. Она же предвидела, что нечто подобное и будет, просто... просто на мгновение поддалась глупой фантазии.

Марат с облегчением выдохнул. Потом опять обеспокоенно нахмурился, посмотрел вопросительно.

– Ты же знаешь, в каком доме Шабунина живёт? В десятиэтажке, где внизу почта. Квартира сорок пять. Шестой этаж. Вроде бы. А я в соседнем дворе буду. Ну, там ещё спортивная площадка. Подходите туда, а потом можешь быть свободна.

– Ясно, – Галя ещё раз кивнула, а Марат улыбнулся, светло и открыто, как умел только он.

– Галка, ты просто супер, – легко взял её за плечи, сжал

их по-приятельски. — Так и знал, что на тебя можно положиться. — И столь же легко отпустил, напомнил озабоченно: — Только не забудь. Хорошо?

— Не забуду, — пообещала она и, конечно, сделала всё, как он просил.

Ровно в шесть стояла в общем коридоре возле нужной квартиры, давила на звонок. И вежливо поздоровалась с открывшей дверь Шабунинской мамашей, и потом шла вместе со Светкой до соседнего двора, и даже радовалась, что лишний раз увидит Марата. Она ведь прекрасно осознавала, что на другое ей не стоит и рассчитывать — они слишком разные, несовместимые, и с ней Марат не будет никогда.

Она же обычная, а он — почти идеальный (ну да, тогда ей именно так и казалось). Высокий, широкоплечий, красивый. Русые волосы с солнечным рыжеватым отливом, глаза голубые — внимательные, умные, весёлые. И улыбка — открытая, светлая. Так улыбаться мог только очень хороший человек. А ведь он таким и был.

Но, наверное, самое главное — его уверенность. Марат всегда знал, чего хотел, что надо делать. И не боялся, ничего не боялся: чужого мнения, показаться смешным, незнакомых людей и мест, неизвестности, драки, даже если силы не равны.

А она — кто? По сравнению с ним — абсолютно ничего особенного. Потому и ожидать ей от него ничего особенного не стоит.

Разумом Галя точно понимала, но в душе – всё равно ведь надеялась, верила в возможность несбыточного. Но просто потому что никак не получается жить без надежды. Не исчезает она до конца даже под давлением самых тяжеловесных неоспоримых аргументов. Тоже глупо, но никуда от этого не деться.

Так всё и вышло: не по надежде, не по вере, по разуму. Марат не просто потихоньку ушёл из её жизни (школа закончилась, а больше их ничего и не связывало, помимо учёбы в одном классе), а исчез резко – уехал в другой город, далеко и, скорее всего, навсегда. Галя была уверена, что именно навсегда, и вдруг...

– Галка?! – внезапно настигло её прямо посреди улицы, в толпе, когда ну никак не ожидала. Словно отзвук из прошлого, словно свет далёкой звезды, который доходит до земли лишь спустя много-много лет.

– Марат?

– Я так изменился? Или ты меня напрочь забыла?

Конечно, изменился, но не до неузнаваемости: повзрослел, ещё сильнее возмужал, наверное, даже можно сказать «заматерел». И, конечно, не забыла. В любом случае не получилось бы, но...

Теперь это даже бессмысленней, чем раньше, их встреча. Поздоровались бы и разошлись – подобного было бы вполне достаточно, но Марат почему-то не торопился её отпустить. Сначала предложил подвезти, потом для чего-то захо-

тел узнать номер телефона. Как будто действительно стал бы звонить. Галя обеспокоенно предположила, что ещё и в гости надумает проситься. Но нет, обошлось. Хотя она всё равно бы его не пригласила, потому что – незачем. Тем более Алинка должна уже скоро вернуться, а Галя обещала сегодня быть дома к приходу дочери, а неожиданных гостей не обещала.

Алинка явилась спустя всего пять минут. Хорошо, что не раньше. Предсказуемо не одна, с Лерой, которая была сразу и одноклассницей, и подругой, самой близкой, самой лучшей. Затарахтела, едва войдя в квартиру.

– Мам! У нас есть чего поесть? Мы жутко голодные.

– Суп есть. Грибной.

– Только суп? Ладно, будем. А ещё чего-нибудь?

– Пока больше ничего. Я ещё не готовила.

Дочь заглянула на кухню, поинтересовалась, чуть сдвинув брови, капризно выпятив губу:

– А вкусенького? Совсем ничего нет?

Галя выдвинула ящик стола, сообщила:

– Печенье.

– И всё? – не удовлетворилась Алинка.

– Я в магазин сегодня не заходила. Не получилось.

Хотя вот зря не догадалась. Можно было сказать Марату, что ей надо в магазин. Он же не увязался бы следом. Когда ему что-то требовалось, обычно он посылал в магазин других, а если Галя оказывалась поблизости, чаще всего её.

– Так давай мы с Лерой сходим. Пока мы не переоделись. Тут же рядом.

Обычно у Алинки не допросишься, если сама Галя занята, срочно сбегать в магазин, купить молока и хлеба или соли, если та закончилась как всегда неожиданно. Но сейчас ведь – с Лерой.

– Ладно, – Галя вышла в прихожую, достала из сумки кошелёк. – Только особо не увлекайтесь. И хлеба заодно купите. Ржаного, половинку.

Она посмотрела на подружку дочери. Если что-то нужно по делу, то лучше обращаться к ней. Но сейчас та не то чтобы выглядела расстроенной, так – немного насупленной, чересчур задумчивой. Хотя Лера всегда была серьёзней и ответственной Алинки и даже казалась немного взрослее, несмотря на одинаковый возраст. Не внешне, скорее, душевно.

– Лер, всё нормально? – осторожно поинтересовалась Галя.

Девочка вскинула голову, сдержанно улыбнулась.

– Да, нормально.

А Алинка уже нетерпеливо подскакивала на месте возле открытой двери.

– Ну, пойдём уже. Лер, ну пойдём.

После того, как дверь за девчонками захлопнулась, Галя, прежде чем отправиться на кухню, ещё несколько секунд постояла в прихожей. Почему-то вдруг представилось, что на самом деле Марат никуда не укатил, отъехал немного, оста-

новился и...

И? Что бы он делал? Да ничего! Какой же бред в голову приходит.

Галя всё-таки прошла на кухню, выглянула в окно, увидела, как девчонки бегут через детскую площадку к углу соседнего дома.

Хорошо, что у дочери есть такая подруга, хорошо, что они ещё и учатся вместе. У самой Гали в классе подобной подруги не было.

Марат вытащил из кармана листочек с цепочкой цифр, повертел в руках.

Звонить никаких особых поводов не было, но что сказать, он и по ходу найдёт, у него никогда с этим проблем не возникало. Можно ведь и поболтать ни о чём. Только вот – зачем? Ну, допустим так – он просто проверит, а действительно ли номер работающий или его тупо развели.

Гудки тянулись занудно и медленно. По крайней мере связь есть, набранный номер существует, хотя ещё не факт, что сейчас в ответ Марат не услышит что-то типа: «Жилищное управление. Слушаю» или «Алло. Поликлиника». Но нет – ни то и не другое. Гудки оборвались, и кто-то тоненько пискнул:

– Да!

– Галка?

Секундная пауза, а дальше весьма удивлённое:

– Какая галка? – голосок совсем детский. Девчонка или маленький пацан.

Марат улыбнулся.

– Ой, извини. Галю можно?

– Галю?

В телефоне что-то зашуршало, зашипело, забренчало, а потом раздался другой голос, не такой тонкий и более уве-

ренный, хотя тоже детский:

– Тётя Галя сейчас занята. Подойти не может.

«Тётя Галя». С ума сойти. И чем это она занята? Или всё-таки не желает разговаривать?

– А вы кто? – поинтересовался невидимый собеседник, сначала вот так, по-простому, а потом исправился: – Кто её спрашивает?

– Знакомый, – доложился Марат. – Мы вместе в школе учились.

– Понятно, – солидно выдала трубка.

– А ты кто?

– Я? Тоже знакомый. Знакомая. – Голос стал ещё более деловым и твёрдым. – Я передам, что вы звонили. А сейчас мы уходим. Извините. До свидания.

Телефон сдавленно крикнул и замолчал.

Офигеть! Вот же попал. Марат коротко хохотнул.

Этой бы «знакомой» работать секретарём-референтом у какого-нибудь большого начальника. В будущем, конечно, когда вырастет.

Надо, кстати, взять на заметку. Такой «профессионал» и самому в работе пригодится. Интересно бы на неё посмотреть. Кто она вообще такая, для кого Галка – тётя. И кто та пискля, первой ответившая на звонок? У Галки всё-таки уже есть дети? Несмотря на то, что она не замужем.

Марат отодвинул в сторону блокнотный листочек.

Ну, может, он потом ещё позвонит. Тогда и выяснит.

И не позвонил. Замотался, время прошло, эмоции улеглись, впечатления поблёкли, интерес пропал. Да и номер, наверное, бесследно затерялся. И вдруг, спустя два года, Галка позвонила сама.

Увидев незнакомый номер на экране мобильного, Марат досадливо поморщился, но вызов не сбросил, хотя откликнулся, скорее всего, не слишком приветливо:

– Да. Слушаю.

– Марат? – прозвучало вопросительно-осторожное.

Он и тогда не понял, кто это, и голос не сразу узнал.

– Я. А-а... – хотел даже сам спросить, но собеседница опередила:

– Это Галя Рогозина.

И пауза повисла. Словно Галка хотела уточнить «Помнишь такую?», но не решалась, или стеснялась, боялась его обидеть. А он просто растерялся: кого-кого, а вот её никак не ожидал услышать, хотя и соврал чисто из вежливости:

– Да, Галь. Я понял.

– Мы-ы... – протянула она, сначала тоже нерешительно, но потом уверенно договорила: – можем встретиться?

– Что-то случилось?

Хорошо, что первым не «Зачем?» вырвалось, а то бы она ещё восприняла, как негодование или возмущение, а Марату реально стало интересно. Ну и насторожило немного.

– Да, случилось, – подтвердила Галка, но без лишней экспрессии, достаточно буднично и спокойно. – Но... не хо-

телось бы по телефону. – Добавила с прежней осторожностью. – Если, конечно, ты сможешь.

– Да смогу. Не проблема. – Марат невозмутимо дёрнул плечом, хотя собеседница в данный момент не могла его видеть. – Говори, когда лучше. Сегодня? Прямо сейчас?

– Нет, – возразила Галка после коротенькой паузы, – не обязательно сегодня. Если завтра? С трёх до шести. Когда приёмное время.

– Приёмное время? – озадаченно повторил Марат, но спросить ни о чём не успел, потому что Галка продолжила сама:

– Конечно, если что, можно договориться – пустят и в другое.

– Стой, стой, стой! – не выдержал Марат, недовольно поморщился, ощущая себя абсолютно запутавшимся в происходящем идиотом. – Куда пустят? Галь, скажи уже толком. Причём тут «приёмное время»? Почему могут не пустить? Ты, вообще, где сейчас?

– Я... – она в который уже раз помедлила, прежде чем произнести фразу до конца: – в больнице.

– В больнице? – Непонятное происходит. Вместо того, чтобы высказывать что-то дельное, Марат тупо повторяет, а осознание приходит с задержкой. – Что с тобой?

– Да так. Ничего особенного, – убеждённо заверила Галка, но Марат не особо поверил. К чему тогда этот звонок? Стесняется прямо сказать?

– Тебе деньги нужны на лечение?

– Нет, – снова интонации достаточно убеждённые. – И давай всё-таки не по телефону.

– Ну хорошо, – согласился Марат и тут же выставил встречное условие: – Но тогда не завтра, а сегодня. В три. – Хотя нет, в три у него не получится. – Или чуть позже. Но до шести точно буду. Говори, какая больница.

– Областная. Третий корпус, второй этаж. Палата шестнадцать, – исчерпывающе доложила Галка, словно в школе у доски отвечала. – Или позвони, я выйду. Там в холле диванчики есть. Специально для посетителей.

– Да ладно, разберусь на месте, – Марат самонадеянно хмыкнул, но вовремя вспомнил, что к больным обычно с пустом не ходят. – Тебе привезти что-нибудь? Ну... там... ну не знаю. Сок? Фрукты?

– Не надо ничего, – кажется, Галка улыбнулась, добавила: – Просто приезжай.

И от этих слов, от интонаций, с которыми они прозвучали у Марата, ну, не то чтобы сердце защемило, а как-то не по себе стало, словно... А даже не разобрать, что за ощущения. Вроде и тревога, и беспокойство, и необоснованная радость, а с нею вместе и столь же необоснованная грусть, и сочувствие, и жалость. Или сожаление? О чём-то давнем, что уже не исправить и, тем более, не отменить.

Что это с Галкой? Трудно представить её больной, нуждающейся в поддержке и заботе. Она же сама обычно о всех заботилась. А тут ещё и в больницу попала. Областная, корпус номер три.

Марат оставил машину возле больничной ограды – еле отыскал свободное место в ряду других, выстроившихся у края тротуара почти на длину всей улицы – немного побродил по территории в поисках нужного здания, найдя и оказавшись внутри, обратился к сидящей при входе в большой полупрозрачной будке женщине в медицинской униформе:

– На второй этаж как пройти?

– В онкологию? – уточнила та, даже не задумавшись над услышанным. За день ей задают тысячи таких вопросов, и ответы она наверняка выдаёт уже автоматически. А вот Марата её фраза реально поразила.

– Куда? – растерянno переспросил он, и женщина с лёгким упрёком и одновременно весьма тактично напомнила:

– Ну вы же сами сказали «на второй этаж».

– Ну да. Туда, – машинально подтвердил Марат, не произнося названия отделения. Он пока ещё старался не вникать, не анализировать, просто слушал чужие подробные объяснения:

– Идёте через холл, потом сворачиваете в правый коридор.

дор, там будет лестница. Сразу увидите, мимо не проскóчите. Поднимаетесь на второй этаж, входите в дверь, и там почти сразу пост дежурной сестры.

– Понятно, – кивнул Марат, отступил на шаг, но женщина из будки остановила его новым предупреждением.

– Бахилы не забудьте надеть.

– Конечно, – Марат снова кивнул, но тут же озадачился: – А где их взять-то?

– Пять рублей, – прозвучало в ответ.

Натянув на ботинки выданные ему шуршащие голубые чехлы, Марат потопал через холл, строго по описанному маршруту, а в голове пчелиным роем неотступно зудели сбивчивые мысли.

Онкология. Что Галка там делает? Может, кто-то из её родителей болеет? Вот она и ухаживает там за отцом или за матерью. И ей действительно деньги нужны. Просто не призналась сразу. На лечение или операцию. От наших-то толку мало, а за границей выйдет дорого. Ну, он, конечно, не откажет, даже понимая, что вернуть долг она не факт, что сможет. Но на подобное и не жалко.

Так – второй этаж, дверь, пост дежурной сестры. За стойкой – или как это правильно называется? – довольно молодая девушка, и симпатичная. Белая медицинская шапочка ей очень даже идёт.

– Шестнадцатая палата – это куда?

Медсестра, с интересом глянув на Марата, махнула рукой

в нужную сторону.

– Туда. По коридору. Почти до конца. Номера на дверях.

– Ага. Спасибо.

Кроватей в палате было две, но одна аккуратно застеленная, будто не тронутая. Либо её хозяйка, непременно строгая любительница абсолютного порядка, как раз куда-то вышла, либо вообще ещё не поселилась. Галка сидела на второй, той, что стояла поближе к окну, и не одна. Рядом с ней находились посетительницы, совсем ещё девчонки, лет, наверное, по двенадцать. Ровесницы, но внешне, как на контрасте – тёмненькая и светленькая.

Тёмненькая, с волосами, забранными в хвост, совсем как обычно у Галки, разместилась на стуле, а та, что посветлее, с отливающими едва заметной рыжиной прядями, свободно падающими на плечи, устроилась на кровати.

Стоило Марату войти, как все трое одновременно повернулись в его сторону, потом Галка что-то тихонько сказала девочкам. Марат не услышал, хотя догадаться не трудно – скорее всего, попросила выйти. Потому что девочки сразу поднялись, тёмненькая ухватила за локоть светленькую, произнесла мягко, но уверенно:

– Идём.

Та послушно двинулась следом, а, проходя мимо Марата, вскинула до того опущенную голову, посмотрела голубыми глазами, и даже сквозь грусть мелькнуло неприкрытое любопытство.

– Привет! – произнёс Марат, когда девочки скрылись за дверью, подошёл поближе. – Так это ты в больнице. А я думал, кто-то из твоих родителей.

Галка помотала головой, сочувственно улыбнулась уголками губ.

– Их нет. Уже четыре года. Ехали с дачи. И там, на дороге, случилась большая авария.

– Извини, – пробормотал Марат, опускаясь на стул, на котором недавно сидела тёмненькая девчонка. – Я не знал.

– Я понимаю, – спокойно проговорила Галка.

Так, значит, она вовсе не под крылышком у родителей, как Марат предполагал, а совсем одна. Или же не совсем? Ну вот эти самые девчонки, которых он застал в палате. Для волонтеров они слишком мелкие. Но с другой стороны – слишком взрослые.

– А эти девочки. Которые только что были у тебя. Это твои?

Галка глянула на дверь, словно ещё могла увидеть своих недавних посетительниц, поправила:

– Одна моя.

– Тёмненькая? – предположил Марат, делая упор на внешнее сходство.

– Нет, – возразила Галка и опять сдержанно улыбнулась. – Наоборот.

– И сколько же ей?

– Двенадцать.

– Уже? – Марат озадаченно хмыкнул. – Ну я, конечно, предполагал, что у тебя дети. Может, даже много детей. Но что маленькие, а никак не такие. – Чем дольше он говорил, тем сильнее становилось ощущение, будто что-то тут не так, будто он упускает самое главное, а его болтовня нелепа и пуста, но, возможно, как раз поэтому не получалось остановиться и задуматься, а слова всё лились и лились неудержимым потоком. – Почти взрослая. Неожиданно. Она...

Марат едва не поперхнулся, этими самыми бесполезными словами, когда вдруг до него дошло.

Чё-орт! Ей – двенадцать лет. Двенадцать! То есть тринадцать лет назад...

Волосы русые, хоть и гораздо светлее, но зато тоже с рыжиной. Глаза голубые. Вот ведь чё-орт!

У них и было-то всего однажды, а у Галки вообще впервые – и, значит, вот так!

Галка смотрела внимательно. Кажется, догадалась, о чём он сейчас подумал, об этом его внезапном прозрении. Но молчала: не спрашивала, не подтверждала, не возражала, не пыталась подтолкнуть мысль.

– Ясно, – выдохнул Марат. – Я ведь правильно понял?

– Что?

– Что это – тогда. В тот раз. После того раза. – Да что ж он при ней в последнее время всё больше не говорит, а заикается, путается в словах? А раньше-то наоборот было, она в его присутствие терялась. Так какого лешего? Неужели он до

такой степени боится признать? И Марат, наконец, собрался с силами, произнёс осознанно и чётко: – Что она от меня.

Тринадцать лет назад

– И где теперь ночевать будешь, Маратик? – с нарочитой жалостью и заботой пропела Светка, но при этом насмешливо лыбилась. Хотя, может, ей просто было щекотно. – На вокзале? Или прямо здесь, в кустах?

– А ты, что, к себе непустишь? – самонадеянно поинтересовался Марат.

Шабунина с поддельным негодованием ударила его по руке, ладонь которой вот уже минут пять нахально шарилась у неё под футболкой. Вспомнила вдруг про девичью стыдливость, решила запоздало изобразить неприступную недоτροгу?

– Да я бы пустила – не проблема. Но сам знаешь, придётся разрешение просить у мамочки с папочкой. А папочка, он ведь тебя, скорее не впустит, а спустит. С лестницы. Хотя можешь, конечно, и под ней прилечь. Зимой там у нас какой-то бомж ночевал. Пока не выгнали.

Дура. И тяжёлая. Ноги уже начали затекать под её весом. Разожралась что ли в последние месяцы? Заедала стресс от сдачи выпускных экзаменов. Ну не залетела же? Иначе бы не прикалывалась тут.

Захотелось спихнуть Светку с колен и, вообще, послать подальше вместе с её тупым хихиканьем и дебильными шу-

точками. Но ведь он с самого начала прекрасно понимал, что Шабунина не вариант – просто так у неё спросил. Хотя, возможно, где-то глубоко в душе и надеялся на чудо.

Марат досадливо ругнулся, посмотрел на лежащую на краю большую дорожную сумку. Сейчас он тоже – бомж. Особо не повыделываться.

В крайнем случае есть ещё эта скамейка, спрятавшаяся в дальнем углу глухого двора за трансформаторной будкой в зарослях сирени. Летом со стороны её не заметно, и тепло сейчас. Одну ночку в случае чего можно и перекантоваться. Только вот – дальше что?

– Да и смысл мне тебя пускать? – продолжала трепать Светка. – Ты же всё равно через несколько дней укачишь. Меня же с собой не возьмёшь.

– А ты бы поехала?

– Куда, Маратик? В никуда? Я на дуру похожа?

Ещё как похожа. А вот он не дурак, чтобы её с собой тащить. Точно знал, что откажется, потому и спросил.

И опять она без причины лыбила. Прижалась мягкой упругой грудью, прильнула щекой к щеке, прошептала в ухо:

– А ты, Маратик, у своей верной собачонки Рогозиной попроси. – И опять отодвинулась посмотрела с игривым вызовом, продолжая ехидно улыбаться. – У них же вроде дача есть. А там какая-никакая да избушка. Жить можно. Или вдруг она тебя и в квартиру пустит. Ещё и кроватку свою уступит.

Марат вскинулся.

– Слушай, а ведь и правда. Дача. Чего ж ты раньше-то не сказала?

Шабунина фыркнула, лыбится перестала, зато округлила глаза, типа поражённо.

– А ты что, на самом деле? К Рогозиной попрёшься?

– А чё такого? – Марат невозмутимо дёрнул плечом. – Тебе же я на фиг не сдался. Сама же только что призналась. А Галка мне не откажет.

Светка уже на полном серьёзе оттолкнула его руку, подскочила с колен.

– Ну ты, Агишев, и придурок!

И как же легко сразу стало.

– Или ты думала, я и правда тут на лавочке стану ночевать? – ухмыльнулся Марат. – Или у тебя в подъезде под лестницей.

– Ну и катись к своей блаженной! – с праведным негодованием выдала Шабунина, глянула сверху-вниз.

Он опять ухмыльнулся, поднялся, подхватил сумку, перебросил через плечо.

– Счастливо, Светик! – развернулся, зашагал и услышал вдогонку:

– Дебил!

Да и хрен с ней, пусть орёт, что хочет.

«И покатился колобок дальше». Чего ж его сегодня все этим словом посылают? Первым – отец.

Тот опять завёл эти разговоры о будущем, но Марат слушать не стал, заверил, что с будущим у него всё нормально – пусть не волнуется. Он уже решил, чем займётся: уедет, на радость родителям, раз он им глаза намозолил.

Куда? Отсюда подальше. Друг позвал. Тот самый, Паша. Он в армии отслужил да там поблизости и остался, и его зовёт. Только не прямо сейчас, придётся подождать немного, потому что Пашка в ближайшую неделю сам в разъездах. Чем он занимается? Бизнесом. Бизнесом занимается. Строительным. Наивных олухов на бабки раскручивает, обещает хоромы, заставляя квартиры продавать, а потом кидает? Да нет, нормальным, законным. А он, идиот, и поверил? Поверил, но не идиот.

Паша же там не в одиночку раскручивается и ему нужны свои надёжные люди, которым он может доверять, которые не подведут. А Марат ему нужен ещё и потому, что хорошо умеет договариваться. С кем угодно. И с женщинами особенно. Те всегда легко велись на его фирменную улыбку, независимо от возраста. А одна как-то раз вообще назвала её божественной. Марат потом долго повторял это про себя и несдержанно ржал. Он даже сейчас ухмыльнулся, вспомнив, хотя и было не особо до смеха.

А отец снова обозвал его идиотом, сказал, что лучше бы он учиться шёл. Может, тогда поумнел бы хоть немного.

Да где учиться? Как родители предлагали, в педагогическом на физвоспитании. Потому что там мозги особо не нуж-

ны, главное – быстрее, выше, сильнее. А у Марата разряд по лыжным гонкам. И по стрельбе. Когда-то хотел биатлоном заниматься, а не сложилось. Расхотелось, да и родителям нормальная экипировка не по карману оказалась.

Ну допустим, поступит он, потратит впустую пять лет. Для чего? Чтобы за копейки впахивать в школе учителем физкультуры? Или тренировать деточек в секции при бывшем Дворце пионеров? Ага, сейчас.

– Не хочешь учиться, так иди в армию. Там-то уж из тебя точно человека сделают.

Но уж куда-куда, а в армию Марату хотелось ещё меньше. Не для него это – одна большая казарма, подъёмы по команде ни свет, ни заря, хождение строем, сапоги и портянки, жизнь по приказу.

Тогда отец окрысился ещё сильнее.

– Собираешься на шее у нас сидеть?

– Да я же сказал, скоро уеду, – огрызнулся Марат и услышал в ответ:

– Болтать-то ты всегда горазд. А вот как будет на самом деле? Даже если укаатишь, потом звонить начнёшь «Папочка с мамочкой, вышлите денег».

– Да не начну. Не переживай. Ничего мне от тебя не надо.

Он сам, всего добьётся сам. Именно потому, что от него такого не ждут, воспринимают как беспечного раздолбая, общего любимчика, которому всё достаётся за красивые глаза и «божественную» улыбку.

– Так, может, прямо сейчас и отвалишь? – усмехнулся отец. – Раз такой самостоятельный.

– Ну и отвалою. Прямо сейчас. Как скажешь.

Тринадцать лет назад

Марат показательно протопал в комнату, дверь закрывать не стал, несмотря на то, что очень хотелось садануть ею по-сильнее, чтобы побелка с потолка посыпалась. Пусть видят, как он собирается. Вытянул из-под кровати большую спортивную сумку, накидал одежды, прихватил разные нужные мелочи, накопленные деньги, документы. Потом столь же показательно протопал в прихожую к выходу.

– Пока. – Наткнувшись на мрачный, пренебрежительный взгляд отца, театрально поклонился. – Спасибо за всё.

Мать попыталась остановить, но отец на неё цыкнул, бросил презрительно:

– Пусть катится. Посмотрим, надолго ли его хватит. А то, может, уже через день приползёт.

И Марат покатился. Как сказали. Он не гордый. Точнее, наоборот – гордый, чтобы выслушивать раз за разом подобное. И не приползёт он, не дождутся. Раз решил, что уедет, то уедет. Только где бы эту чёртову неделю переждать, ещё и в армию не загреметь в последние дни призыва. Восемнадцать ему уже есть, а школа и отсрочка вместе с ней – закончились.

Поэтому дача далеко за городом тут бы подошла идеально – это Шабунина хорошо придумала. А Галка ему точно не откажет. Правда, связываться с ней не очень хотелось, но и

других вариантов нет. Марат с большей охотой обратился бы к друзьям, но был уверен уже заранее – от них тоже никакого толку.

Виталик уже укатил в Рязань поступать в военно-десантное. И чего его туда понесло? А у Сани хоть и квартира-трёшка, но народу в ней – не протолкнёшься. Бабка с дедом, Санины родители, и сам он с сестрой, старшей, причём делит с ней одну комнату. Да и с Галкой не всё просто. Потому что, где она живёт, Марат понятия не имеет, и даже, если у неё есть домашний телефон и можно позвонить, номера-то он не знает. Но...

Марат всегда найдёт способ заполучить необходимое, не отступит, пока не добьётся – теперь, по крайней мере, – даже если прогнуться придётся или на совесть и порядочность забить на время. Потому он Паше и нужен.

Он отыскал работающий таксофон – карта у него была и деньги на ней тоже – когда ответили, попросил позвать Саню и без всяких приветствий сразу перешёл к главному:

– Санёк, слушай. У тебя же мамаша в родительском комитете была, да? У неё и телефоны всех из класса есть?

– Ну есть вроде, – без особого энтузиазма подтвердил приятель.

– И Рогозиной тоже?

Саня сдавленно хрюкнул, но высказывать своё ценное мнение не стал, как и спрашивать, зачем, сказал:

– Подожди. Мать дома. Ща всё узнаю.

Положил трубку, или бросил, что ли, потому что она наполнилась грохотом и треском, и, наверное, ушёл. Марат ждал, нетерпеливо попинывая носком кроссовки стенку.

Через минуту в трубке опять зашуршало, и Санин голос распорядился по-деловому:

– Записывай. Есть где?

Марат запоздало спохватился: не стенку надо было пинать, а действительно найти в сумке, чем и на чём можно записать телефон. Ручка вроде бы лежала в боковом кармашке, а вот с подходящую бумажку быстро не отыскать. Но ладно.

– Диктуй, – Марат выводил цифры прямо на ладони. Записал и сразу произнёс: – Всё. Пока. – Повесил трубку на рычаг и тут же опять снял.

Карточка на месте, гудок есть. Марат, посматривая на ладонь, набрал номер. Трубка выдала ещё несколько прерывистых, похожих на долгие усталые вздохи гудков, а потом раздалось по-знакомому робкое:

– Алло.

– Галка, ты?

Впрочем, он и без подтверждения был уверен.

– Да.

– Это Марат.

– Я узнала.

Ну ещё бы! Он и не сомневался: узнала, изумилась, обрадовалась. Наверняка даже сердечко замерло.

– У меня к тебе разговор. Можешь выйти?

– Куда?

– На улицу, само собой. Хотя бы просто из подъезда.

– Могу.

– Ну, тогда выходи. Только скажи сначала адрес. Где живёшь?

– А ты не знаешь? – почему-то спросила Галка. С надеждой.

В любом другом случае Марат соврал бы, лишь бы подмазаться, мол «Конечно, знаю. А как же? Про тебя и не знать!» А тут – смысла не было, иначе же с ней не встретиться. Но всё равно нашёлся:

– Уточняю на всякий случай. Вдруг забыл или перепутаю.

Галка добросовестно назвала: улицу, номер дома, даже номер квартиры и особые приметы, по которым её дом легче найти. Оказалось, это тут, близко.

– Короче, спускайся. Я минут через пять буду, – начальственно выдал Марат, словно не он, а она его о встрече просила.

– Ага, – выдохнула Галка в трубку.

Жила она в панельной пятиэтажке в четыре подъезда, Марат издалека увидел, как Рогозина топталась на месте, немного отойдя от входной двери. И она его издалека увидела, вскинулась, заулыбалась.

– Привет! – произнёс Марат ещё на подходе, одарил её ответной улыбкой, своей фирменной. – Слушай, Галь, я чего хотел спросить. У вас же дача есть?

Она удивлённо захлопала глазами. Вопрос, конечно, не самый предсказуемый, но, вот интересно – а что она ожидала? «Галка, я тут долго думал и в конце концов решил, что ты мне очень нравишься. Давай встречаться». Да нет. Она, похоже, понимала, что подобное из разряда фантастики.

– Дача? Есть. Но там просто небольшой участок и домик.

– Ну и ладно, что небольшой, – Марат снисходительно махнул рукой. – Мне же не картошку сажать. Главное, домик есть. В нём ведь жить можно?

– Можно, – подтвердила Галка. – Мама с папой даже на месяц иногда там остаются. Когда в отпуске. Они и сейчас там.

– Там? – Марат разочарованно цокнул языком, поморщился. – А надолго?

– Скорее всего до конца недели.

– А ты здесь? Одна?

– Ну и что? – Галка даже возмутилась. – Я же не маленькая.

Марат закусил губу, приподнял брови – задумался.

– То есть ты сейчас дома совсем одна? – проговорил медленно, с расстановкой, чтобы не дай бог она чего не услышала или не поняла, и чтобы самому окончательно осознать и решиться. – И родителей ещё несколько дней не будет?

– Ну да.

– А можно тогда... я пока у тебя поживу?

Тринадцать лет назад

– У меня? Поживёшь? – словно в трансе повторила Галка и застыла, кажется, даже дышать перестала. И непонятно, отчего её так переключило: от восторга, от возмущения, от страха?

– Я себя буду прилично вести, – со всей мыслимой убедительностью поторопился заверить Марат. – Ничего такого.

Хотя, может, в случае с ней надо как раз противоположное пообещать?

Ну уж нет! До подобного он ещё не докатился.

– А почему? – тихонько пробормотала Галка. – Почему не дома?

Марат скривил губы, в очередной раз вспоминая.

– Потому что я оттуда ушёл. С родителями рассобачился. И не вернусь, – добавил твёрдо, даже не для Галки. Вообще, для себя, для всего сущего.

– А они, – опять растерянно забормотала Галка, – они не будут волноваться, искать?

– Не будут. Они в курсе. И даже рады.

Галка глянула недоверчиво. Значит, его родителям она сочувствует, их ей жалко, а самого Марата – нисколько?

– Ну, то есть «нет»? Нельзя, – обиженно, но гордо заключил он, а Галка испуганно моргнула и поспешно выдохнула:

– Можно.

И теперь уже оба застыли. Неизвестно из-за чего Галка, а Марат, наверное, если честно, не ожидал, что она согласится, и где-то подспудно был готов к отказу и не был уверен, что подобное нормально, что он не совершает большую ошибку. Вот как чувствовал, что ничего хорошего из этой его внезапно пришедшей в голову идеи не выйдет. Потому и застыл. А потом подумал: «Ну и ладно. Ну и чего такого? Надо ж как-то переждать эту неделю», а Галка без претензий, и он к ней без каких-либо притязаний. Это ж Рогозина.

– Идём? – Опять, словно не он к ней, а она к нему.

Галка кивнула.

Стоило им войти в квартиру, в прихожую выкатился рыжий меховой шар, уставился на Марата жёлтыми глазами, чуть сощурившись, будто оценивая и проверяя.

– Знатный котяра.

– Не волнуйся, он добрый, – пояснила Галка. – К людям хорошо относится.

– Я и не волнуюсь, – усмехнулся Марат, тоже прищурился, глядя на кота.

Тот неторопливо поднялся, приблизился, мягко ступая, обошёл вокруг, задев мягким боком ногу, а потом, высоко задрав хвост, протрусил через прихожую, свернул в маленький боковой коридор, ведущий, скорее всего, на кухню. Отправился занюхивать свой хавчик от внезапно обрисовавшегося непрошенного гостя.

– Мне куда? – поинтересовался Марат, переводя взгляд с исчезающего за углом кота на двери, за которыми, судя по всему, располагались комнаты.

Две. Вероятно, одна Галкина, другая – её родителей. Рогозина указала рукой, куда ему проходить, он и прошёл, огляделся по сторонам.

Комната как комната – стандартно, уютненько, чисто. Большое окно, в оформлении неброских штор тёплого коричневато-жёлтого цвета, дверь на балкон. Что за окном – почти не видно, всё закрывает развешенное на просушку бельё: полотенца, простыни, рубашки. Из мебели, как и у всех, стенка, стол, стулья, тумба с телевизором, большой диван. Марат плюхнулся на него сумку.

Возле ног мелькнуло что-то рыжее. Котят проскользнул неслышно, не теряя достоинства, солидно и неторопливо – такое впечатление, что будто в замедленной съёмке – запрыгнул на диван, протопал к сумке, обнюхал её, критично морщась, но, кажется, остался вполне удовлетворённым осмотром. Марат придвинулся, почесал его между ушами, кот благодарно боднул в ладонь. А в дверном проёме возникла Галка, спросила:

– Есть хочешь?

– Хочу. Очень.

Он с утра только бутер успел перехватить до того, как отец завёл свою занудливую шарманку про будущее.

– У меня суп есть, – дoloжила Галка. – Точнее, щи. Ща-

велевые. Но они без мяса, – призналась раскаянно.

– Да какая разница? Давай.

– А на второе – ничего. Я не готовила. Я же не знала.

– Да чего ты? Второе! – Марат снисходительно хмыкнул, махнул рукой. – Я ж не в ресторан пришёл.

– Но я приготовлю, – торопливо заверила Галка. – Макароны и котлеты. Котлеты, правда, полуфабрикатные. Папа из столовой с работы принёс. Будешь такие?

– Галь! Ну чё ты всё оправдываешься? Я всё ем. Всеядный. Домашнее, магазинное, с работы. Если честно, мне вообще пофиг. Главное, чтобы жрать можно было.

Хотя, если уж совсем честно, Марату даже нравилось, что она вот так расспрашивает, волнуется, суется. Ради него. А он успокаивает её и соглашается благосклонно. Приятно.

– А ванная где? Там по коридору?

Вообще-то туалет его гораздо больше интересовал, но заговорить именно про него Марат всё-таки постеснялся.

– Ага, по коридору, – уже в который раз кивнула Галка. – Подожди, я сейчас полотенце чистое достану. – Она подошла к стенке, распахнула одну из больших дверей, пошарила на полке. – Вот. Повесишь там на держатель. Будет твоим. А если ещё понадобится, сам здесь возьмёшь. Запомнишь? Ну, или мне скажешь.

– Понял, запомнил, скажу, – улыбаясь, перечислил Марат.

Впервые он услышал от Галки за раз так много слов. И почему-то это тоже было приятно и почти не смущало, что

сейчас он находится в совершенно чужой квартире наедине с девушкой (хотя это всего лишь Галка Рогозина, и есть ещё кот с гордым именем Степан), что та выдаёт ему полотенце и говорит про него «твоеё», и собирается готовить макароны с котлетами, тоже специально для него, и...

Дальше без «и». Это ведь не Шабунина, и не остальные. И у Марата, как бы сказать, на Галку... Короче, даже представить сложно, только если очень постараться. Но стараться в том направлении он и не собирался.

Тринадцать лет назад

Кстати, с рыжим Степаном они хорошо ужились, можно даже сказать, скорешились, и все дни, пока Марат торчал у Рогозиных в квартире, кот спал у него в ногах на родительском диване. Ну, почти все. Марат даже тихонько разговаривал с ним, когда Галки поблизости не было. Просто потому что надо же с кем-то разговаривать, а постоянно молчать у него не получалось.

Ничего нет хуже вот такого ожидания, когда надо всего-навсего убить время, а заняться совершенно нечем. То есть, чем ни занимайся – это просто пустая трата зачем-то доставшихся тебе, когда не просил, свободных дней.

Куда-то идти? А куда? Ещё не дай бог попадётся на глаза какому-нибудь патрулю от военкомата, пытающемуся отловить тех, кто решил закосить от армии. А дома у Галки из развлечений только телек и книги. Ну и она сама. Но уж лучше книжку почитать.

Ели обычно вместе, тогда и болтали понемножку, и подобного вполне хватало. Вот о чём с ней разговаривать? Делиться воспоминаниями о школе, о детстве? Очень интересно. Она особо и не навязывалась, в основном занималась какими-то своими делами.

Марат расслабился – даже дома о нём так не заботились,

не подстраивались под его вкусы и желания. А, главное, здесь никто не читал ему нотаций и не учил жить. Он ещё и додумался, смотался быстренько до пункта проката, взял игровую приставку с парой кассет, разорился из своих кровных, в запас отложенных. Душевное здоровье дороже ж! Но и это быстро задолбалю.

– Пойду хоть пива куплю.

А иначе он скоро на стенку полезет от скуки, а с пивом должно быть хоть чуток полегче.

Галка посмотрела настороженно. Неужели всё-таки сейчас разразится лекцией за здоровый образ жизни?

– Ну всего бутылочку, – пообещал Марат, страдальчески выгнул брови, но принёс не одну, а две. А вдруг Галка всё-таки тоже захочет?

Марат врубил телек, устроился на диване. Он его и на день не собирал – лень, каждый раз расстилать-застилать, раскладывать-складывать, а Галка и тут не пыталась его строить. Марат откупорил бутылку, повернулся к как всегда валявшемуся поблизости Степану.

– Ну что, кореш? А ты как к пиву относишься?

Котяра приподнял морду, фыркнул, а потом – ну надо же! – поднялся, соскочил на пол и удалился, гордо задрав хвост. Во блин, меховой моралист.

– Ну и катись, – отхлебнув пиво прямо из горлышка, кинул ему вслед Марат.

Галка заглянула.

– Может, стакан принести?

– Ну, давай.

Она принесла, поставила на стол.

– Больше ничего не надо?

– Не надо, – уверенно заявил Марат. – И хватит уже мелькать. – Он хлопнул ладонью по дивану: – Сядь. Будем телек смотреть. Степан слинял, а мне одному скучно.

Галка секунду решала, а потом всё-таки уселась, но не рядом, на расстоянии вытянутой руки. Марат опять отхлебнул пива, посмотрел на неё, продемонстрировал бутылку:

– А ты будешь?

– Нет, – Галка предсказуемо мотнула головой.

– Совсем не пьёшь? – поинтересовался Марат, просто, от нечего делать. Заколебало уже молчать или как придурку, беседовать с котом. – Это ж не водка. Так, фигня. Точно, не хочешь попробовать?

– Не хочу, – упрямо подтвердила Галка.

– Ну и ладно, – Марат вздохнул, уставился в телевизор, но почти не видел, что на экране происходило, сам не заметил, как опять перевёл взгляд. На Галку.

Она сидела на краю дивана, чуть напряжённая. Чёткий профиль на фоне нежных закатных сумерек за окном – выверенные черты, мягкие, неброские, некричащие. Изящная линия шеи. Простенькое, но очень даже миленькое платье в цветочек. Или правильно будет сарафан? Если без рукавов. Волосы сейчас не собраны как обычно в хвост, распущены,

отливают тёплым золотом в лучах садящегося солнца.

Марат протянул руку, откинул с округлого плечика тёмную пряжку, упёрся в него указательным пальцем, повёл линию вниз по руке. Кожа прохладная, нежная.

Галка замерла на мгновение, потом повернула голову,глянула широко распахнутыми глазами. Губы изумлённо открыты. Она ведь и правда ничего, по-своему красивая.

Интересно, а что будет, если вот так? Подскочит испуганно, убежит?

Марат поставил на пол бутылку, потом взял Галку за локоть, потянул к себе и сам одновременно придвинулся. Смотрел прямо в глаза, другой рукой коснулся Галкиной щеки, погладил осторожно, добрался пальцами до губ, провёл по ним, с нажимом, сминая.

Она не подскочила, не убежала. Опять застыла, перестала дышать. Тогда Марат наклонился к её лицу, поцеловал, не аккуратничая, не сдерживаясь. Галка не сопротивлялась, не отталкивала. Ответила. Неужели умела? Или само получилось, потому что давно и страстно мечтала?

Наверное, пора заканчивать с этим экспериментом. Чёрт. А ведь не хочется.

Марат обхватил её, притиснул к себе. Галка и тут не стала сопротивляться, вздохнула судорожно, робко, нерешительно положила руки ему на плечи, дотронулась до шеи. Подушечки пальцев горячие, будто на огне раскалённые, обожгли, прогнали жаркую волну вдоль по позвоночнику, вниз.

А он-то у уверен был, что на неё у него, ну, никак, а оказалось – очень даже.

Ну и пусть. С ней. Она не девушка, что ли? И эта её трепетная робость, чуть неуклюжая неумелость и безграничная доверчивость ещё как заводят.

* * *

Проснулся он первым, медленно приоткрыл глаза, зевнул, огляделся. Галка безмятежно сопела рядом, худенькое хрупкое плечо выглядывало из-под одеяла, птичье. Хотя, где надо, у неё мягко.

В открытую форточку задувал ветер, шевелил тонкие шторы. И вещи вокруг были уже хорошо знакомы, Марат к ним привык. Сейчас Степан припрётся, боднёт башкой. Как будто он тут его хозяин, и...

Что вообще происходит?

Внезапно Марат почувствовал себя, ну, почти женатым, и жутко стало, аж, как у дуры-вороны из басни, дыхание спёрло.

А если вот прямо с минуты на минуту Галкины родители с дачи припрутся? Она же не сказала точно, когда, во сколько, просто – в конце недели. А сейчас, как раз, конец.

Хорошо, если только по шее надают (хотя подобного Марат тоже не допустит), а если пригрозят совращением несовершеннолетней? Хотя Галке вроде бы восемнадцать есть,

но найдут другую причину, типа он воспользовался её наивностью, обманул и соблазнил, и правда заставят жениться.

Да какого хрена?! Бежать надо отсюда скорее. Ведь если ещё чуток расслабишься, задержишься, это уютное тихое болото так или иначе засосёт по самую макушку, и придётся тогда либо действительно к родителям назад ползти, с повинной, либо дальше с Галкой жить.

Марат представил и передёрнуло. Ну нафиг! Хотя она, конечно, ничего так, даже не ожидал, но... не, не, не. Ни за что!

И он уехал, как планировал, а Галка... Галка ничего не сказала, не уговаривала, не просила остаться, не восклицала «А как же я? Ну ведь мы же...» Прекрасно понимала, что случившееся, конечно, не то, чтобы случайность, но ведь ни к чему и не обязывало, ни её, ни его. Просто переспали, по обоюдному согласию. Дело житейское, ничего особенного.

Ну откуда Марат мог знать, что та единственная ночь спустя долгих тринадцать лет откликнется вот так?

Марат какое-то время задумчиво смотрел в пол, потом поднял глаза на Галку.

– Так почему ты мне до сих пор не сказала?

Она не отвела взгляда, не смутилась, не почувствовала себя виноватой, пояснила спокойно:

– А как бы я сказала? Ты же уехал.

– Ну а потом? – с напором произнёс он. – Когда в прошлый раз увиделись.

– А я и не собиралась, – по-прежнему спокойно и очень даже уверенно возразила Галка. – Совсем не собиралась. Я бы и сейчас не сказала, если бы... – Она остановилась на середине фразы.

Значит, вот как? Оказывается, на самом-то деле он для неё недостаточно хорош. Не достоин.

Только вот не время сейчас обижаться. Не зря же она замолчала, не договорив.

– Что ещё за «если бы»? – с наигранным осуждением начал он. – Скажешь тоже. Даже не думай.

– Марат! – резко перебила Галка, словно птица вскрикнула. – Не надо. Ты же понимаешь, почему я здесь и какая это болезнь. Мне очень приятно, что ты стараешься меня поддержать, подбодрить, убедить, что ещё можно что-то исправить, но, правда – не надо. Ничего не наладится, хорошо не

будет, и чуда не случится.

Он даже не пытался вступать в её монолог, слушал, смотрел.

Галка и до этого была стройной, а теперь стала совсем худенькой. Детская припухлость щёк исчезла бесследно, скулы заострились, зато глаза стали ещё больше и выразительней, но под ними залегли серые тени. Ключицы выпирают, а шея тонкая-тонкая. Ещё и потому что целиком открытая – стрижка-то совсем короткая. Или, скорее всего, дело не в стрижке.

– Я знаю. Всё прекрасно знаю. Потому и попросила тебя прийти. У меня просто других вариантов нет.

Опять она замолчала, словно взяла короткий перерыв: передохнуть, набраться сил, сглотнуть распирающий горло комок, отвлечься – хоть на мгновение.

– А зовут-то её как? – поинтересовался Марат.

– Алина.

– Ясно.

Галина, Алина – да-а, у Галки фантазия! Хотя красиво, конечно. Он так и сказал вслух:

– Красиво. И почему-то на меня больше похожа. А другая – больше на тебя. Я на неё в первую очередь подумал.

Галка улыбнулась уголками губ, а потом неожиданно произнесла:

– Ты же заберёшь её к себе? Когда... если... – и снова она не договорила до конца. Потому что – страшно.

Галка с силой стискивала собственные пальцы, чуть ли не ломала, затем спрятала ладони между сжатых коленей, ссутулила плечи.

– Не хочу, чтобы её в детский дом забрали. Ну, там же... Не хочу! – Почти выкрикнула, впилась в него взглядом, жадным, пронзительным, отчаянным, предупреждая любые его реакции, забормотала скороговоркой, почти без пауз. – Марат, подожди. Не отвечай сразу. Пожалуйста, не отвечай. Вообще ничего не говори. Просто подумай. Хорошо? Подумай. Ладно? А потом позвонишь. Когда решишь. Только не сейчас. Не сейчас.

Но он, и правда, представления не имел, что делать. Только и смог – кивнуть, заверить коротко:

– Я понял. Понял. – и отвёл глаза. – Пойду тогда.

– Да, конечно, иди, – торопливо подхватила Галка, будто боялась, что он всё-таки заговорит о том, о чём она не просила, всё-таки решит прямо сейчас, и его решением окажется совсем не таким, какое она с надеждой ожидала.

А Марат не то, что решать и думать пока был не готов. Вышел из палаты, стремительно зашагал по коридору. Куда торопился? А кто его знает? Но что же теперь – неспешно ползти?

Коридор, с двух сторон стиснутый стенами с многочисленными дверями, вдруг расширился в один бок, образуя нишу с двумя окнами. Возле них кадки с цветами, кресла и диванчик. На нём сидели девчонки – не ушли, пережидали.

Марат притормозил на мгновение, посмотрел на светленькую, Алину, а та и не заметила его. Зато тёмненькая вскинулась – встретился с ней взглядом, прочитал в глазах настояженный вопрос.

Нет, не станет он сейчас отвечать. Никому. Даже себе. Потому что... нечего ему сказать. И не хочется. Говорил же уже – не готов. Лучше что-нибудь делать. Это всегда понятнее, проще, действенней. Загрузить мозги чем-то привычным: поставки, сроки, сметы, переговоры.

Он зашагал дальше, поравнялся с постом дежурной сестры, та что-то записывала в журнале, но его появление не оставила без внимания, подняла голову. Марату именно это и было необходимо.

Он ведь вернулся сюда, в родной город, не только потому, что они с Пашей решили отделиться, организовать собственное дело, существовала ещё одна причина. Отец у Марата приболел, довольно серьёзно. Вот он и приехал, чтобы мать тут не одна. Только с отцом всё закончилось благополучно, и в больничной кухне Марат теперь немного ориентировался.

– У Галины Рогозиной из шестнадцатой кто лечащий врач?

– У Рогозиной из шестнадцатой? – медленно повторила медсестра, опять с интересом рассматривая Марата и, вероятно, прикидывая, какие отношения связывают его с той самой Галиной. – А! У неё – сам Виктор Олегович.

– Это кто? Как его найти?

– Зав отделением, – уважительно пояснила сестра, как и в прошлый раз, махнула рукой, только сейчас в другом направлении. – Это в противоположную сторону и тоже почти до конца. Там так и написано на двери «Заведующий отделением». Но сейчас он, наверное, уже уходит. Если уже не ушёл.

– Спасибо.

Зав отделением Марат застал выходящим из кабинета, уже без больничной униформы, одетым по-уличному, преградил ему дорогу, поздоровался, спросил:

– Рогозину из шестнадцатой ведь вы лечите.

– Я, – коротко подтвердил зав.

– Можно поговорить?

Наверное, не очень вежливо получилось, с такими интонациями, будто не на простой разговор вызывал, на чисто мужской, который уместнее где-нибудь во дворе у чёрного хода. Зав недовольно сжал губы.

– Сейчас не получится. Времени совсем нет. Да и рабочий день уже давно закончился. Давайте завтра. – Сделал шаг, рассчитывая, что Марат отступит, освободит дорогу. А он – с места не сдвинулся.

Это как раз то, что ему сейчас нужно – решить конкретную сиюминутную задачу, добиться желаемого приемлемым способом.

– Вам доплатить? – произнёс Марат со снисходительной иронией. – За переработку.

Зав смерил его оценивающим взглядом, хмыкнул, вздохнул, взялся за ручку на двери.

– Ну хорошо, заходите.

Они уселись на стулья. Марат на тот, что в сторонке, специально предназначенный для посетителей. Зав на свой, возле заваленного бумагами стола, положил руки на столешницу, с ожиданием, чуть приподняв брови и поджав губы, уставился на Марата. Он был, наверное, лет на двадцать старше: высокий, крупный, седина в волосах. Чем-то напоминал отца, если бы накинуть ещё годиков пятнадцать.

– Слушаю вас.

Марат качнул головой.

– Как у неё дела? По-честному.

– А вы ей кто? – с въедливыми интонациями поинтересовался зав.

– Знакомый, – произнёс Марат, добавил: – Одноклассник. Бывший. – Но сам понял, что всё равно звучит несерьёзно, ещё и зав посматривал на него с нарочитым пониманием, насмешливо. – Отец её дочери, – выдал решительно на одном выдохе.

– Ясно, – протянул зав вдумчиво. – И что вы хотите знать?

– Всё, – ответил Марат, и, похоже, опять не слишком удачно: расплывчато, а оттого опять нелепо и даже беспомощно. Он одёрнул себя, собрался с мыслями. – Скажите прямо, что ещё можно сделать. Не важно, во что это станет. Если какое особое лечение, препараты. Другая более продвинутая кли-

ника. Даже если ехать за границу. Пойдёт. Деньги не проблема.

Зав кивнул.

– Это я уже понял. – Убрал усмешку с лица и продолжил абсолютно серьёзно. – Только вот деньги здесь уже ничего не решат. И всё, что можно, давно сделано. Уж поверьте, мы тут тоже не просто так числимся.

– И что? – произнёс Марат пренебрежительно, с вызовом, глянул пристально и жёстко. – Совсем ничем не помочь?

– Что касается здоровья, ничем, – не менее жёстко отрезал зав, по-честному, прямо, как Марат и просил, а потом вдруг смягчился, пояснил с подробностями: – Она сейчас на обезболивающих. В принципе, вот и всё лечение. Хотя, конечно, даже не лечение. Кого-то другого давно бы домой выпишали. А её только потому здесь держим, что дома некому за ней присмотреть. Ей сложно будет одной. Ну, то есть, только с ребёнком и больше никого. Да и девочке лучше не знать подробностей. Это для неё слишком тяжело, видеть каждый день, каждый час, как мать умирает. И уж тем более оказаться с ней наедине, когда она умрёт.

Да блин, ну не могли эти слова относиться к Галке. Бред какой-то. Ещё и интонации эти – сочувственные, тёплые, почти отеческие. У вроде бы постороннего человека. А ведь он всего лишь лечащий врач. К тому же у него подобных случаев, если и не много, то наверняка достаточно. Должен уж как-то привыкнуть, очерстветь, отстраниться, а выглядит

искренне расстроенным и удручённым.

И опять куда-то ушла уверенность, потому что не срабатывали здесь привычные методы, и всё, что Марат мог и умел, годилось в бизнесе, в общении с людьми, но перед неизлечимой болезнью отступало, теряло силу, обесценивалось. А нет ничего хуже осознания собственной беспомощности.

Марат посмотрел в окно, за которым открывалась территория больницы, газоны, дорожки, другие здания, деревья, одетые густой зелёной листвой. По дороге вдоль ограды катили машины, в два потока, в одну сторону, в другую. Будто другой мир, нормальный, а он – здесь. Где всё не так. И он – не он. Не тот самый самонадеянный невозмутимый Марат Агишев, который всегда точно знает, что нужно делать, и у которого, в принципе, всё всегда получается, а если не получается, то просто стоит ещё постараться, чуток или немного побольше, и тогда уж точно – получится. А кто тогда?

– Вы ведь с Галиной не женаты? – пробилося сквозь мысли.

– Нет.

– У вас другая семья?

– Нет.

– А девочка останется с вами?

Марат молчал.

Зав не стал повторять вопрос, понимал, что собеседник прекрасно расслышал, и, наверное, ещё что-то понимал. То

ли вздохнул, то ли усмехнулся, попытался притушить разочарование во взгляде.

– Ещё что-то хотите узнать? Или я могу идти? – поинтересовался вежливо, а сам, не дожидаясь ответа, поднялся со стула. И Марат встал.

– Спасибо. – Он вытянул из кармана портмоне.

Зав заметил, хмыкнул.

– Идёмте. У меня действительно времени в обрез.

Когда сажился в машину, зазвонил мобильный. Марат даже смотреть не стал, кто, нажал на соединение.

– Ну, Марат, ты где? – прилетело из телефона. Кристина. Не слишком возмущалась, скорее, чуть негодовала, общаясь: – Я тебя жду. Ты когда подъедешь?

– Зачем?

Кристина была нормальной девушкой, не стервой, не дурой, не истеричкой, без завышенных запросов и претензий. Самое то, чтобы хорошо проводить время вместе.

– Ты же обещал, что ходим куда-то.

– Куда?

– Тебе лучше знать. Куда ты хотел?

– Не знаю.

Он действительно не знал, абсолютно не помнил, что там планировал.

– Марат, с тобой всё в порядке?

– В порядке, – заверил он, придумал на ходу, не напрягаясь: – Просто очень занят. Извини. Сегодня не получится.

Никак. Завтра. Или...

Может, действительно, встретиться с ней? Только не ходить никуда, остаться у неё или привезти Кристину к себе, отвлечься. Но что-то вот совсем, даже мысленно не вдохновляет, наоборот, вызывает неприятие и раздражение. И Марат продолжил, совсем не так, как секунду назад собирался:

– ...послезавтра. Сходим, куда скажешь. А сейчас – дела.

– Мог бы тогда и позвонить, – с упрёком проговорила Кристина. – Предупредить.

– Извини, замотался, – произнёс Марат сквозь стиснутые зубы. Как же ему надоело оправдываться? Раздражение только возрастало, и всё сильнее хотелось, не сдерживаясь, проораться и послать всё, всех. Но Крис-то причём? И он нетерпеливо закончил: – Ну всё. Пока. – И отключился.

Когда проезжал через перекрёсток перед самым носом выскочил какой-то урод на раздолбанной Таврии. Вот тогда Марат реально проорался, высказался, не сдерживаясь. Хотя камикадзе на самоходном корыте вряд ли его услышал, но главное – душу отвёл.

Что дальше? Куда бежать, чем себя занять? Уж лучше бы и правда, какой-нибудь фарс-мажор случился: в смету не уложились, сроки затягивали, материалы не подвезли, работники разбежались, заказчик угрожал расторжением договора. Что со всем этим делать, Марат прекрасно знал, даже бы не загонялся особо. И не такое случалось, как бы нибудь да разрулил. А вот что делать с тем, с другим?

Честно, он многое бы не пожалел, лишь бы больше не прозвучало: «Что касается здоровья – ничем. Не помочь». Но, положив руку на сердце, не только потому, что искренне сочувствовал Галке, жалел её, а ещё и потому, что боялся оказаться вот так внезапно, совершенно не ожидая и не предполагая, отцом-одиночкой.

Ещё и девка у него, как оказалось, уже почти взрослая. Двенадцать лет. А Марату всего тридцать и о собственных детях он даже ни разу толком не задумывался. Ну когда-нибудь, возможно. Почему бы и нет? Но не сейчас же. Времени-то ещё достаточно. Куда торопиться? И дело не в том, что пока ещё не хотелось лишних забот и ответственности. Просто у самого с родителями всегда складывалось как-то не очень.

Марат у них, если и не поздний ребёнок, то и не ранний определённо. И маме, и отцу уже прилично за тридцать бы-

ло, когда он появился. Рассчитывали на счастье, вышло разочарование. Вот и из него – какой папаша? И если бы Галка сумела сообщить ещё тогда, когда ждала ребёнка или когда девочка только родилась, Марат бы вряд ли обрадовался, и уж точно не бросился бы сразу назад домой, чтобы повести новоявленную мамочку под венец. Но материально помогал бы, без вопросов, иногда приезжал бы увидеться.

Да что теперь представлять, если бы да кабы, заморачиваться на прошлое? Когда есть настоящее. Ещё какое настоящее. А к нему и будущее.

Под действием сигнала электронного ключа створки ворот поползли в стороны. Марат загнал машину в гараж, прямо из него прошёл в дом, и столкнулся с Валентиной Михайловной. Та как раз собиралась уходить.

Валентина Михайловна появлялась здесь несколько раз в неделю, наводила порядок, готовила, если требовалось, заказывала доставку продуктов. Но в основном, конечно, убиралась. Была бы обычная квартира, Марат вполне бы справлялся с этим сам, но... Да, слегка перестарался, захотел выделаться.

Когда сам управляешь фирмой, занимающейся малоэтажным строительством, в основном, конечно, загородными коттеджами, хочется соответствовать. Вот Марат и отгрохал хоромы в два этажа, с мансардой, с гаражом, да хрен ещё знает с чем. Увлёкся. Ну не самому же теперь всё это мыть, чистить, оттирать от пыли. Это ж сутки как минимум надо

выделить, да и не собирался он такой ерундой сам заниматься. Вот и появилась Валентина Михайловна, не молоденькая смазливая горничная, а помощница по хозяйству, женщина уже за сорок, приехавшая из Беларуси.

– Добрый вечер, Марат, – произнесла она на встречу. – Что-то вы рано сегодня.

– Так уж вышло, – откликнулся Марат, глянул задумчиво, поинтересовался: – А можете задержаться? Ужин приготовить?

– Кто-то должен прийти? – предположила Валентина Михайловна.

– Нет. На меня. Одного.

Хотя ему не столько есть хотелось, сколько поговорить. А с кем? О таком. Ни Паша, ни Саня – не вариант. Кристина – тем более. Родители?

Мать уже частенько заводила речи и о его женитьбе, и о внуках. Ну, вот ей, пожалуйста, и внучка. Как заказывала. Даже подрощенная. Может, к себе и заберёт? Но что отец скажет, когда о ней узнает, не трудно представить. Будет ещё один камень в огород Маратовой безответственности и раздолбайства. Так стоит ли для этого тащиться фиг знает куда, чтобы, словно мальчишке-школьнику, выслушать очередную порцию нотаций? Хотя сейчас отношение отца стало куда более благосклонным. И всё же...

Вот и осталась одна Валентина Михайловна. Тем более Марат не воспринимал её только прислугой. Да лет десять

назад он и представить не мог, что у него будет прислуга. Они и обращались друг к другу не как по статусу полагалось, а как Марату показалось удобней и уместней. Он к ней по имени-отчеству – она же старше, у неё дети взрослые, внук даже, – а она к нему по имени, но на «вы».

– Сделайте что-нибудь попроще и побыстрее.

– Хорошо.

А когда уже сидел за столом, так и не притронувшись к еде, поглядывая на стакан, в котором отливала янтарно-жёлтым по цвету очень напоминающая чай жидкость, а Валентина Михайловна принесла тарелку с овощной нарезкой, Марат попросил:

– Присядьте.

– Что-то случилось? – Валентина Михайловна неторопливо опустилась на стул.

– Ну да, – кивнул Марат. – Спросить хочу. А если что, вы могли бы здесь поселиться? В доме. Комнат же достаточно.

Нет, он ничего ещё не решил, вообще ничего не решил. Просто он так привык (даже если кому-то до сих пор с трудом в подобное верилось): взвешивать, просчитывать, заранее рассматривать любые возможности.

– Поселиться? – переспросила Валентина Михайловна. – Вы планируете куда-то уехать надолго и за домом надо будет присматривать? Или...

– Что «или»? – озадачился Марат.

– Собираетесь жениться?

– Я? Жениться? Нет. Не совсем. То есть, вообще не то.

И он рассказал. Про Галку, про дочь и опять про Галку, про то, что та долго не проживёт, что её родителей тоже давно нет, а, значит, у девочки останется только он, Марат, её отец (да, звучит невероятно и странно), и...

Вот именно – «и», многоточие, а дальше пока ничего.

– Вы верите, что это ваша дочь? – в первую очередь поинтересовалась Валентина Михайловна.

– В любом другом случае сомневался бы, очень сомневался, но тут – верю. Даже удостоверяться не буду, анализировать. Галка не стала бы врать.

– А вы совсем ничего не знали?

– Не знал. Даже подумать не мог до сегодняшнего дня. В голову не приходило. Да и сейчас не особо укладывается. У вас ведь тоже дочь? Да? И... делать-то что с ними? Это же... это же... Да я вообще не представляю, что там делать. Ну ладно – накормить, напоить. Так ведь ещё и школа. Её же в школу надо водить, уроки делать. Ну, не знаю.

– Марат. Марат! – воскликнула Валентина Михайловна, махнула рукой, улыбнулась сдержанно. – Да подождите. Что-то вы уж слишком. Сами же говорили, ей – двенадцать. Взрослая. Зачем её водить? Она сама и до школы дойдёт, и вернётся, и уроки сделает. И кормить-поить её не надо. Не младенец же. Сама поест. А что, я приготовлю. Ведь не это главное. Главное, её поддержать. Что бы она не думала, что одна и больше не нужна никому. Чтобы точно знала, рядом

есть кто-то родной. С такими большими основная забота – лишний раз ласковое слово сказать, поговорить, когда надо.

Она, конечно, правильно рассуждала, разумно, по делу, но Марата, как прорвало, остановиться не мог.

– Да о чём я с ней буду разговаривать? Как? Ну пацан бы ещё – куда бы ни шло. А она-то – девочка.

– Ну, обычно отцы дочек гораздо сильнее любят.

Обычно. Вот именно, обычно.

– Но я-то... Ведь если честно – да какой я ей отец? Даже не разглядел толком. Мы же даже не знакомы. Чужие.

Он, наверное, ещё долго мог бы так восклицать, но Валентина Михайловна перебила, произнесла – совсем другим голосом, не таким как раньше, холодно-разумным, затвердевшим:

– Ну если вам действительно сильно в тягость, тогда и забирать её к себе, конечно, не стоит. Ничего хорошего не получится.

Марат не ожидал, ни слов таких, ни интонаций, слегка опешил.

– А как же тогда? В детский дом? – предположил неуверенно.

Валентина Михайловна пожала плечами.

– А есть ещё варианты?

Слишком выбила его из колеи эта история – Марат сам себе не узнавал. И жуткая болезнь без надежды, а Галке, как и ему, всего ведь тридцать. Мало же, чересчур мало для того, чтобы уже всё. И почему именно она? Хотя и для кого-то другого из ровесников Марат подобного предположить не мог, но для Галки – и подавно. И дочь. Его дочь. И тут – Галка. И тут – предположить не мог. А мысли навязчивые, никак не отступают.

Только на следующий день немного в себя пришёл, работа помогла. Не успел прийти, какхватило, закружило, и не выбило ещё сильнее, а наоборот – опять вернуло на нужные рельсы, на давно проложенный путь.

С утра в компании главбуха пришлось ехать в налоговую. Кто-то из подрядчиков по заказу лажанулся, а проверкой осчастливили всех хоть как-нибудь причастных, и на допросы тягали всех. И нет бы назначили точное время приёма – как же? Сиди, жди своей очереди.

Перед отъездом, выходя из кабинета Марат бросил секретарю:

– Если ничего суперсрочного, то всем говори, пусть ждут до завтра. – И уже почти дошёл до двери, но друг остановился, развернулся, вернулся к столу. – И ещё, – произнёс, неосознанно понизив голос, – узнай мне, пожалуйста –

ста, про опекунство. Или усыновление. Ну, правила, законы, документы. Найдёшь, на телефон перешлёшь. И на почту. – Твёрдо заглянул в заблестевшие любопытством женские глаза, предупредил, многозначительно дёрнув бровями: – Особо только всем не трезвонь. – Добавил почти по-приятельски: – Угу? – И очаровательно улыбнулся.

Секретарь показательно кивнула и, хотя работала с ним уже давно, в который раз не удержалась, ответила на его улыбку.

Ничего особенного, никаких тайных смыслов. Работа – это работа, Марат не стал бы усложнять её бессмысленными отношеньками. Они только для тех, у кого с головой не в порядке или куча комплексов и потому проблематично заполучить женщину или девушку, не связанную зависимостью «начальник-подчинённая», а у него с этим – всё отлично.

В налоговой проторчали до обеда. Сначала, конечно, ждали, впустую убивая время. Марат пытался изучать присланные секретарём документы, но быстро понял, что с трудом въезжает в прочитанное, плюнул и отложил до более подходящего момента. Затем он отвечал на вопросы начальника инспекции под строгим наблюдением главбуха, был предельно внимателен и серьёзен. Потому что налоговая – не место для улыбок, даже его фирменная тут не работала. А после обеда отправился на «VIP-объект».

Большая шишка из областной администрации перестраивал под свои понты и суперсовременные удобства какую-то

старинную усадьбу. Уже по ходу дела выявились проблемы, потребовавшие дополнительных работ и затрат, а похвастаться новым-старым домом заказчик непременно хотел к важной для него дате. И ни днём позже. Потому что всем уже сообщил и не в его правилах было отказываться от данного другим слова.

Марат самолично провёл хозяина по усадьбе, рассказал про новый объём работ, представил дополненную смету и заверил, что в срок, несмотря ни на что, они всё равно уложатся. Договорённость закрепили дружеским ужином в ресторане, платить за который пришлось, естественно, Марату. Зато он заручился обещанием на подряд по строительству семейных коттеджей на территории нового пансионата. И ещё одним, которое сейчас оказалось ну прямо как никогда к месту – ему посулили непременно знакомство с дочерью, умницей и красавицей, с расчётом на далёкую жизненную перспективу.

Он вежливо поулыбался и покивал в ответ, а потом постарался поскорее забыть. Такое всегда забывалось легко. Но даже после настолько суматошного дня он почти не чувствовал себя уставшим. Потому что это было знакомо, привычно, понятно и, не взирая на все сложности и заморочки, вполне комфортно. Для него. Тут Марат ощущал себя как рыба в воде. Он даже не стал врать опять позвонившей Кристине, что занят или что умотался как собака.

– Хочешь – приезжай.

– А ты – хочешь? – многозначительно промурлыкала Кристина.

– Спрашиваешь? Очень даже хочу. – Ну не очень и не даже, но подобные фразы вылетали сами и неплохо работали. – Крис, слушай, откроешь своим ключом. Я буду в минибассейне. Помнишь, где такой?

Кристина тихонько фыркнула прямо в трубку.

То ли она добиралась слишком долго, то ли он действительно устал, то ли слишком расслабился под действием горячей воды и гидромассажа, но к появлению Кристины Марат едва не заснул. Сквозь сладкую дрему услышал едва уловимый шелест и невесомые осторожные шаги, но как-то реагировать да и просто окончательно приходить в себя было лень. Он только запрокинул голову.

Кристина подошла, остановилась за спиной, присела, нависла над ним, легко коснулась губами его губ. Упавшие пряди волос, шелковистые, пахнущие чем-то сладковато-знойным, мягко защекотали лицо. Марат блаженно зажмурился и снова открывать глаза не торопился.

– Ты что, спишь? – прошептала Кристина, поглаживая пальцами его лоб и щёки.

– Нет. Не совсем. Но если ты прямо сейчас меня не взбодришь, точно засну.

Она села на край, хотела опустить ногу в воду, но, едва окунув пальцы, отдёрнула.

– Не слишком горячо?

– Не волнуйся, не сварисься.

Марат смотрел, как она медленно и осторожно забирается в бассейн, переводит сбившееся дыхание, забавно морщится.

– А если всё-таки сварюсь?

– Но я же не сварился. Ничего, привыкнешь. Зато потом станет очень даже хорошо.

Получалось только болтать и довольно улыбаться, а вот шевелиться и предпринимать что-то ещё по-прежнему было лень, несмотря на многообещающую двусмысленность произносимых фраз.

Кристина устроилась рядом, прижалась щекой к его руке, вытянутой вдоль края бассейна, положила ладонь на бедро. Марат опять зажмурился, надеясь, что она поймёт, как не хочется ему ничего делать самому, но он очень даже не прочь, если она возьмёт всё на себя. Она же догадливая девочка.

Гораздо-гораздо позже, когда уже лежали в кровати, и появилась возможность погрузиться окончательно и бесповоротно в безмятежные объятия сна, не спалось. Как назло. Упрямо думалось о том, что случилось тринадцать лет назад, и как оно разительно отличалось от того, что происходило сейчас. Да и как вообще это сравнивать?

То давнее, которое было всего лишь единственным разом, случайностью, глупостью беспечного беспринципного мальчишки, вдруг обрело особую ценность. А то, что происходило сейчас, скорее всего так и останется просто приятным

времяпровождением, стабильным, осознанным, рассчитанным, но необременительным. Или именно потому и необременительным.

Марат повернул голову, задумчиво посмотрел на Кристину.

А если всё-таки сказать ей? Как она отреагирует на известие о его дочери, а, главное о том, что, возможно, та переедет сюда, к нему? Вряд ли Крис будет в восторге – уж слишком непредсказуемо и неожиданно. Но ведь их отношения – всего лишь добрая договорённость, когда каждый по большому счёту остаётся сам по себе, не претендуя на общее. Вместе, но относительно вместе, только когда хочется, пусть и с определёнными обязательствами – не слишком гулять на стороне.

Марата такое до сих пор вполне устраивало. И дальше бы устроило. Но наверняка ведь что-то изменится, если в доме появится ещё один человек. Не посторонний, наподобие домработницы, а имеющий право на особое мнение, с которым придётся считаться. И тогда, пожалуй, хотя бы на первое время, придётся встречаться только у Кристины или где-то ещё, но не здесь. Или вообще держать в тайне от девочки существование другой женщины в его жизни. И это Кристину тоже вряд ли порадует, но вот совсем не хочется – выслушивать от неё претензии, вносить напряжённость в удобные непринуждённые отношения.

Ну никак не ожидал Марат от простодушной, безропотно

преданной ему Галки такого вот сюрприза.

Кристина пошевелилась, выправила из-под одеяла руку, протянула, провела согнутым пальцем по его губам и подбородку, привлекая внимание.

– О чём думаешь?

Он всё-таки не решился сказать ей правду, отмахнулся легко:

– А, так. О работе.

– Даже сейчас? – с упрёком пробормотала Кристина. – О работе?

– Ну-у, что делать?

Она придвинулась ближе, приподнялась, заглянула в глаза.

– Неужели у тебя в жизни нет ничего более значимого? О чём ещё стоит думать.

Марат показательно улыбнулся.

– Почему же? Есть.

Кристина удовлетворённо и успокоенно откинулась на подушку, решила, он имел в виду её. Хотя, конечно, о ней ведь он тоже сейчас думал.

Когда Марат ушёл, Галя ещё какое-то время сидела неподвижно, не в состоянии пошевелиться.

Она всё-таки сказала! Всё-таки ему сказала. И сразу стало легче, но лишь на мгновение, а потом вдруг огорошило, придавило к кровати запоздалое осознание: а что если получится совсем не так, как она желала? Наоборот, абсолютно наоборот. И Марат не вернётся, даже не позвонит, чтобы сказать «нет». Просто исчезнет, и теперь уже точно навсегда. Потому что у неё нет времени его ждать, она исчезнет ещё раньше, и ему очень легко будет забыть: и про неё саму, и про этот разговор, и про существование Алины, – и, оставив ненужное в прошлом, спокойно жить дальше.

Галя сглотнула распирающий горло комок, зажмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.